

© Оцифровка, ред. текста
С.Ю.Василенко, 2009
для сайта
<http://www.elan-kazak.ru/>

К. Носков
Авантюра
или
черный для русских белых в Монголии 1921 год.

г. Харбин
1930 г.

Предисловие автора.

В этой маленькой книжке я не буду говорить подробно о политических и стратегических переменах, которые произошли в Западной Монголии в связи с занятием ее "белыми" войсками и последовавшим затем изгнанием из этой области этих "белых" войск, к которым принадлежал и я сам. Вместо этого, я ограничусь тем, что расскажу, как можно проще, о тех ужасных злоключениях, которые пришлось пережить тысячам русских, в том числе и мне, благодаря революции и гражданской войне. Я буду рассказывать только о своих личных переживаниях и о переживаниях моих друзей, которые явились свидетелями этих событий.

Быть может, кровавые сцены, бегущие через мой рассказ, будут неприятны читателю; быть может, мрачные картины убийства и жестокостей создадут чувства антипатии к русским изгнанникам, и даже я почти уверен в этом, но молчать об этом я, все-таки, не могу, потому, что абсолютное большинство этих людей было вовлечено в эти события против их воли, желания и убеждения, в силу сложившейся обстановки. Поэтому, вся ответственность за содеянное должна пасть на барона Унгерна и его ближайших сподвижников, в чьи руки были брошены волею судьбы эти несчастные невинные жертвы гражданской войны и революции.

Конец истории явится облегчением для читателя после целого ряда картин битв, убийств и голода, которые проходят яркой нитью через всю книгу, заканчиваясь благополучным прибытием в Синьцзян нашей

маленькой группы уцелевших людей; но для меня лично эта история является трагедией, так как она окончилась для меня потерей зрения.

Последнюю сцену, которая запечатлелась в моих глазах - ночную битву в ущельях реки Ценкер на границе Синьцзяна, я постарался представить читателю с той отчетливой ясностью, с какой она до сих пор стоит передо мной.

К. Носков

Вступление.

В сердце Азии лежит огромная таинственная и богатая страна - Монголия.

Колыбель человечества, родина великих завоевателей - Чингис-Хана и Тамерлана, чьи дикие орды, много-много веков тому назад, обрушились в неудержимом натиске, пронеслись могучим потоком до самых границ западной цивилизации и разбились о стальную грудь западно-европейского рыцарства.

Страна самого древнего и мистического религиозного культа - Буддизма, страна прошлого, былой славы и величия.

Кровавые волны русской революции, прокатившиеся с Запада на Восток, захлестнули и эту страну, выбросили в нее тысячи русских людей, искавших здесь убежища от шторма революции.

Но судьба судила иное: вместо спасения, тысячи несчастных людей нашли гибель в пустынных плоскогорьях дикой страны. Их кости белеют сейчас в каменистых равнинах Джунгарии, в ущельях и оврагах Монгольского Алтая, на склонах дикого Танна-Ола, у подошвы священного Богдо-Ола и засыпаются песками Гобийской пустыни.

Тысячи людей, велением Судьбы, помимо их воли, их желания, их убеждений, были вовлечены в грозный вихрь военной непогоды, и только немногие выброшены сюда, к берегам Тихого океана.

Пронесшаяся буря разбудила и самую Монголию, создала новые условия в этой стране и, быть может, изменила или изменит всю социальную и политическую обстановку здесь.

Каковы эти перемены, что они повлекут за собой для культурного мира, никто [не знает] - только время ответит на этот вопрос.

Разбитые, деморализованные, почти поголовно больные тифом остатки армий адмирала Колчака, расположенные по южную сторону Сибирской железно-дорожной магистрали, перешли Китайскую и Монгольскую границы весной 1920 года.

За ними потянулись отдельные беженцы, одиночками или небольшими группами, остатки повстанческих отрядов, действовавших в Сибири летом 20-го года.

Ужас смерти заставлял их бросать семьи, гнал людей в неведомую, далекую, чужую страну. Через высокие горные хребты с вечно снежными вершинами, непроходимую тайгу и болота, бурные стремнины потоков, через заставы и посты красной пограничной стражи пробирались измученные, голодные люди в Монголию - этап на длинном пути на Дальний Восток - "обетованную землю", как тогда казалось этим жертвам гражданской войны и революции.

К 1921-му году на территории Монголии и смежной китайской провинции Синьцзян сосредоточилось несколько тысяч русских беженцев.

Главная масса - в Чугучаке, куда интернировались остатки Южной Оренбургской армии, сравнительно небольшая группа в Шара-Сумэ (Алтайский округ), Кобдо, Улясутае и Урге, где в ноябре 1920 года появилось и самое главное действующее лицо русско-монгольской трагедии, сам джань-джинь барон Унгерн, сыгравший роковую роль в судьбе заброшенных в Монголию "белых".

Большинство беженцев страстно желало куда-нибудь выбраться в культурные уголки мира, но внешние обстоятельства препятствовали осуществлению этого желания.

Нарушение китайцами договора 1912 года о независимости Монголии, ликвидация прежних русских консульских учреждений, недостаток материальных средств, а, главное, близорукая политика вождей, в руки которых судьба отдала тысячи человеческих жизней - были эти препятствия. Унгерн, Бакич, Кайгородов, Казанцев, - вот имена, вписанные кровью в страницы истории русско-монгольско-китайских отношений.

Каждый из этих лиц не считал свою роль сыгранной окончательно, мечтал о безумной борьбе с силой, о которую разбились усилия адмирала Колчака, генерала Деникина и Врангеля.

Политическое положение Внешней Монголии к 1921 г.

К этому времени внутреннее политическое положение Монголии становилось все более и более запутанным. Соглашение между Россией и Китаем от 21-го октября 1912 года, согласно которому Внешняя Монголия была признана независимым государством, под суверенитетом Его Святейшества - живого Будды - Богдо-Хана, было нарушено Китаем.

Мировая война и последовавшая за нею революция ослабили на время политическое значение России на Дальнем Востоке; и Китайское правительство открыто стало стремиться к реставрации своей власти в пределах внешней Монголии.

Суверенитет Китая был восстановлен, изменились только названия вместо прежних фудутунов, появились политические комиссары Китайской Республики. Во все крупные центры Монголии были введены гарнизоны, Богдо-Хан отстранен от дел управления и фактически арестован в своем собственном дворце. Поборы, насилия, тяжелые налоги, взимаемые даже за прошлые годы, чуть ли не с начала 1912 года, вызвали глухое брожение среди массы монгольского населения, на которое хозяева Монголии - китайцы - ответили суровыми репрессиями: убийствами, арестами видных борцов за автономию Монголии, высылкой в Пекин, где многие из них заплатили своей головой за мечты о свободной Монголии.

В этой-то напряженной атмосфере, осенью 1920 года, появился барон Унгерн, вытесненный красными армиями из Забайкалья.

Последующие события в Урге, вероятно, достаточно хорошо известны, я сам не был их очевидцем и не стану задерживать внимание читателей на их развитии. Скажу лишь только, что после двукратной неудачи, в феврале 1921 года, барон Унгерн уничтожил под городом Маймаченом, на берегах реки Толу, 15 000-ую армию китайцев и взял Ургу.

Власть Китая в Монголии была сломлена, восстановлена независимость страны. "Белые" русские, рядом указов самого воплощенного Бога, живого Будды Богдо-Хана, были объявлены друзьями монгольского народа, их вожди возведены в княжеское и дворянское достоинство, осыпаны почестями и подарками.

Ургинские события прокатились громовым эхом через всю Монголию, докатились до далекого Чугучака, где влачили полуголодное существование интернированные остатки Оренбургской армии, подняли подавленное настроение людей и, быть может, послужили одной из главных причин движения армии генерала Бакича на север, в Монголию, через безводные пустыни Джунгарии и неприступные, снежные перевалы Алтая, где каждый шаг был отмечен трупами погибших от голода, холода, истощения и болезней людей.

События в Кобдо.

Слухи о событиях в Урге быстро докатились до Улясутая и Кобдо. Возбуждали и тревожили всех. Китайцы, зная реальное положение дел,

тщательно скрывали истину, делали успокоительные заверения, но без результата. Тревога росла. Появились слухи о каких-то таинственных сношениях китайских властей (в частности в Улясутае) с прибывшими в Монголию агентами Советского Правительства, убеждавшими, будто бы, китайцев в их собственных интересах выдать всех русских беженцев в руки красных.

Китайские комиссары продолжали делать успокоительные заверения, но сами стали проявлять странную нервозность.

В Кобдо и Улясутае были введены стеснительные меры, характерные для местностей, находящихся в сфере военных действий. Поведение китайских гарнизонов, набранных из низших подонков общества, сделалось нестерпимо вызывающим.

Все чувствовали, что должно случиться что-то страшное. Китайские чиновники с учтивостью и преувеличенной восточной вежливостью продолжали заверять в полной безопасности даже накануне роковых событий в Кобдо.

В ночь на 21-е февраля 1921 г. в городе послышались выстрелы. Этот день был началом Монгольского праздника Цаган-Сара, - первый день нового года. На стрельбу сперва не обратили внимания, принимая ее за треск рвущихся китайских ракет.

Надо сказать, что на религиозном ритуале монгол, как равно и на всей духовной жизни их, отразилось могучее влияние древней, более высокой культуры соседнего Китая. Это влияние сказалось на всем укладе монгольского быта и неудивительно потому, что праздники у монгол проходят под тот же грохот барабанов, треск рвущихся ракет, как и у их соседей - китайцев.

Поэтому выстрелам, раздавшимся в этот день в 9 часов вечера, никто в первый момент не придавал значения, но скоро свист пуль, звон разбиваемых стекол, гортанные дикие крики китайцев не оставили места сомнениям. Что-то страшное, чего так боялись и ждали, началось.

Толпы озверелых, оборванных китайских солдат, беспорядочно стреляя по всем направлениям, бегали по городу, врывались в дома, грабили и убивали встречающихся русских.

О сопротивлении нечего было и думать. Никакой организованной силы, могущей прекратить погром, не было. Оставался единственный шанс к спасению - бегство.

К счастью, жертв оказалось немного. Погибло всего 7 человек, не успевших вовремя скрыться в узких закоулках задних дворов "хошунов", в густых кустарниках карганы или нарвавшихся случайно на грабивших солдат. Так погибла семья некоего Истомина, которая, охваченная

паническим страхом, побоялась бежать в неизвестность и темноту холодной зимней ночи. Банда озверелых солдат ворвалась к ним, вытащила на улицу и здесь покончила со всеми. Сам Истомин упал с разможенным черепом под выстрелами бандитов, прижимая к груди своего малютку - сына, которого он при падении задавил тяжестью своего тела; рядом с ним была его тяжело раненая жена и живший вместе с ними другой беженец, убитый наповал пулею в грудь.

Кобдо был разграблен и сожжен.

На тысяче верблюдов вывезли китайцы свою добычу. Они спешили на юг (в Синьцзян). Слухи доходили до них, что в Кобдо быстро идет Кайгородов, который, присоединив к своему небольшому отряду беженцев из Кобдо, двинулся против китайцев.

Кайгородов опоздал. Китайцы из Кобдо ушли, оставив позади, вместо веселого, цветущего городка, груды дымящихся развалин. Все, что осталось от грабителей, стало жертвой огня.

События в Улясутае. Разоружение китайцев.

Жуткие дни переживал Улясутай. Потрясающее известие об участии Кобдо взволновало население города. Преувеличенные слухи о Кобдоских событиях рисовали картины, полные ужаса. Говорили едва ли не о полном истреблении всего русского населения Кобдо.

Что делать??? - стоял тревожный вопрос перед населением города.

Опасность была велика. Она грозила одинаково, как беженцам, так и старым аборигенам города - русским колонистам.

Надо было принять меры к самозащите. Малейшее промедление могло быть роковым: настроение китайского гарнизона было зловещим, - китайцы захватили оружие, хранившееся в монгольском ямыне, и роздали его между китайскими рабочими (кули). Поведение этой вооруженной черни было крайне вызывающе, казалось, все действия китайцев были направлены к тому, чтобы провоцировать русское население: вызвать взрыв и повторить в Улясутае такую же дикуую оргию грабежа, как в Кобдо.

Печальный урок последнего не пропал даром. Население приготовилось к самозащите, организовалась самооборона во главе с полковником Михайловым. Опираясь на эту вооруженную силу и содействие монгольского сайта Чолтун-Бейсси, русское население вступило в переговоры с китайским комиссаром Улясутая, Ванг-Тзоо-Тзун.

Ванг-Тзоо-Тзун, учитывая политическую обстановку момента, согласился на предложенные ему условия мирного соглашения, предусматривающего разоружение китайского гарнизона и эвакуацию Улясутая.

11-го марта 1921 г., после бурных и страстных прений, соглашение было подписано сторонами. Китайские власти выговорили право на свободный и почетный проход через территорию Монголии с личным вооруженным конвоем в 17 человек.

Договор не был выполнен. Китайцы, выступившие 16-го марта из Улясутая, на пути были нагнаны русско-монгольским отрядом под командой поручика Стригина, обезоружены и ограблены. Ответственность за нарушение Улясутайского договора, несомненно, должна пасть на барона Унгерна.

Представитель барона, полковник Доможиров, явился с небольшим отрядом под Улясутаем. Через посланного, он потребовал именем грозного барона немедленного разоружения китайского гарнизона, ареста китайских властей и отправки их в Ургу.

Неповиновение воле барона казалось безумием... Рассказы о зверской жестокости приводили в трепет... Чуждый жалости и сострадания, барон беспощадно карал смертью за самые ничтожные проступки.

Его жестокость граничила с каким-то чудовищным садизмом... Он наслаждался страданиями своих жертв. Рассказывают страшные эпизоды, от которых волосы на голове становятся дыбом. Чем-то средневековым варварским веет от этих рассказов. Передают, как факт, что Унгерн в Урге сжег заживо несколько своих офицеров, дезертировавших от него в Маньчжурию. Несчастные были пойманы где-то около Хайлара, почти на пороге к своей свободе, привезены в Ургу и здесь сожжены в присутствии барона. Рассказывают, что один из этих офицеров на костре нашел в себе достаточно силы и плюнул в лицо барона, когда тот, стоя рядом, издевался над мучениками. Русский колонист Носков, мой однофамилец, доверенный английской торговой фирмы Видерман погиб смертью, которую, пожалуй, мог бы выдумать изощренный в придумывании мучительных пыток ум какого-нибудь восточного деспота или средневекового инквизитора. Обвиненный в сокрытии золота и серебра, принадлежащих фирме, Носков - мужчина необычайно крепкого физического телосложения - палочными ударами был превращен в кусок кровавого мяса, а потом выброшен на жгучие лучи весеннего монгольского солнца... Мириады мух покрывали страдальца... Тело, превращенное в одну сплошную рану, кишело червями. Страдания были так невыносимы, что рассудок оставил его. Но звери, в образе человека, под руководством коменданта Урги полковника

Сипайлова, продолжали мучит его, безумного, наивно говоря: "от сумасшедшего мы скорее узнаем, где спрятано золото".

Таков был человек барон Унгерн, именем которого полковник Доможиров требовал нарушения Улясутайского договора.

Михайлов повиновался. Сайт Чолтун-Бейсси с большой неохотой согласился присоединить к русскому отряду 20 монгол.

Китайцы были настигнуты отрядом, разоружены и ограблены.

Русское население Улясутая и Сайт были глубоко возмущены действиями Стригина. Многие из офицерства горячо протестовали против действий Михайлова и Стригина. Часть захваченного имущества под давлением этой группы протестантов была отобрана, сдана на хранение в Монгольский ямынь для передачи впоследствии собственникам.

Споры и разногласия, связанные с этими событиями, породили недовольство монгол их союзниками - белыми, которое потом, становясь все более и более острым под влиянием нелепой политики барона и его последователей, привело, наконец, к открытому выступлению против их избавителей и отдало Монголию в руки красных.

24-го марта представитель верховной власти барона Унгерна, полковник Доможиров, приехал в Улясутай. Он не представил никаких письменных правомочий от барона и Михайлов отказался передать ему высшую власть в городе. Между ним и Доможировым началась глухая борьба за власть. Оба апеллировали к грозному барону. Барон разрешил спор, оставив обоих претендентов, и отправил в Улясутай казака Енисейского казачьего войска, выборного войскового атамана Казанцева, снабдив его чрезвычайными полномочиями, как командующего Улясутайским районом.

Недели за полторы до прибытия в Улясутай Казанцева, в одно апрельское утро, в город въехала группа вооруженных всадников. Это были гвардейские офицеры: полковник Полетико и братья Филипповы. Они назвались представителями Центральной организации белых в России. С появлением этих лиц положение сделалось еще более запутанным. Полетико также претендовал на доминирующую роль. Повторилась старая, давно знакомая, родная русская картина: интриги, несогласия, а за ними - развал. Полетико обрушился с беспощадной критикой на политику Унгерна и Семенова, называя их авантюристами.

Странную и малопонятную роль играл во всех этих взаимных интригах и спорах профессор Оссендовский, бывший начальник Осведомительного Отдела при Штабе Верховного Главнокомандующего адмирала Колчака. Трезво, умно разбираясь в положении русских в Монголии, называя себя иностранцем, тщательно отграничивая себя от русских, он вел какую-то

сложную, запутанную политическую интригу, ссоря очень искусно всех претендентов на высшую власть в Улясутае. Между прочим, он редактировал, нарушенный договор с китайцами об их эвакуации.

Казанцев в Улясутае.

Приехал Казанцев... Я живо помню его первое появление в Улясутае. Небольшого роста, широкоплечий, с большой рыжей бородой, в коротком, плотно облегающем его коренастую фигуру старом потертом полушубке, в казачьей белой папахе, в простых, подвязанных у колен тонким кожаным ремешком сапогах (ичигах), он появился на созванном им собрании.

Глухим, отрывистым голосом, избегая смотреть кому-либо в лицо, со взглядом, опущенным вниз, он объявил: "Я приехал с намерением провести в жизнь намерения и планы барона и, под страхом строгой ответственности, должен выполнить это. Я это сделаю. За все неудачи я отвечаю собственной головой, а потому от всех лиц, остающихся со мною, я требую безусловного повиновения".

Молча разошлись с собрания. У всех было какое-то смутное, неопределенное, но тяжелое чувство. Всем навязывали чужую волю, не спрашивая согласия, требовали полного повиновения под страхом жесточайших кар.

Давно ли велись страстные дебаты о праве быть свободным на чужой земле, заниматься своим собственным делом, а не быть бессловесным орудием в руках честолюбивых людей, стремящихся к каким-то химерическим целям.

Теперь приехавший, неизвестный никому человек, именем грозного барона требовал абсолютного повиновения его единой воле.

И все подчинились... Почему так случилось?... Это психологическая загадка, на которую я не сумею ответить. Многие понимали опасность положения, которое проф. Осендовский остроумно сравнивал с мышеловкой. Сознали, что с приездом Казанцева, мышеловка должна захлопнуться окончательно. У многих мелькала мысль об аресте Казанцева, - ведь, он был, в сущности говоря, со своими несколькими преданными ему людьми, совершенно бессилён; грозный барон так далеко... Фактически, Улясутай был вне сферы достижения его карающей руки. Но все приняли случившееся, как непреложный закон судьбы, против которого всякая борьба бессмысленна, бесполезна. Как много теряют иногда люди только оттого, что в нужный момент они недостаточно решительны и гибнут сами, увлекая за собой других.

Отъезд полк. Михайлова и др.

Приезд Казанцева сразу положил конец всем интригам и сделал положение ясным. Прежним хозяевам положения оставалось или подчиниться беспрекословно Казанцеву или уехать из Улясутая. Им предоставлен был выбор. Они предпочли последнее и погубили себя.

Болезненное самолюбие атамана, поднявшегося из самых низов до своего настоящего положения, было глубоко уязвлено. Он почувствовал в этом отъезде пренебрежение к себе людей, которые, он хорошо сознавал, были неизмеримо выше его по их моральному и культурному уровню. Атаман был жестоко оскорблен, он видел в их нежелании подчиниться ему - сопротивление воле всесильного барона - и судьба этих людей была предопределена. Эти лица были, по большей части, высоко-культурные люди, носили академические значки разных высших учебных заведений, тем не менее - не сумели учесть сложившейся обстановки и погибли все, за исключением проф. Оссендовского, который, благодаря ли своему дипломатическому таланту, или просто своей необыкновенной изворотливости, сумел заслужить расположение Унгерна и выбрался на Дальний Восток.

Да, видимо, приходится признать справедливым афоризм - знание и понимание реальной жизни не дают академические значки, а жизненная академия.

Конечно, не одно нежелание подчиниться атаману Казанцеву было побудительным стимулом их отъезда. Они, как мыслящие люди, прекрасно понимали всю призрачность дела барона, сознавали роковые последствия игры в солдатики освободителей Монголии, а потом и России. Они мечтали выбраться из Монголии в ту привлекательную манящую даль, где будет конец их бесконечным скитаниям, где люди живут под охраной законов, пользуются плодами человеческой культуры.

Из Улясутая выехали все сливки русского общества: полк. Михайлов с женой, Полетико, братья Филипповы, бывший Акмолинский губернатор Рыбаков, капитан Зубов - племянник бывшего Председателя Государственной Думы Родзянко, бывший предводитель дворянства Писсаржевский и проф. Оссендовский.

По дороге в Ургу, близ Заин-Шаби, они встретили отряд капитана Безродного, посланный бароном Унгерном для "установления порядка" в районах Улясутая и Кобдо. Барон, знавший о деятельности этих лиц по односторонним отчетам полк. Доможирова, дал Безродному

соответствующие инструкции. Двенадцать человек из группы Михайлова были беспощадно зарублены и в их числе он сам с женой. Один из Филипповых послан в Ургу, где его постигла та же участь перед входом в палатку свирепого барона. Рыбаков, Зубов и Писсаржевский были привезены Безродным в Улясутай и здесь первые два погибли от рук палача, а последний - при восстании монгол.

Казанцев в Улясутае, подготовка похода в Россию.

Казанцев был обязан своим положением старым связям с Енисейским казачеством. Унгерн надеялся при помощи Казанцева поднять восстание против большевиков в области Енисейского казачьего войска. Казанцев должен был действовать в этом направлении и пойти в пределы России через приграничную область - Урянхай.

Урянхайский край должен был служить базой для развития военных операций против красных, где должен был создаваться казачий оплот против большевизма.

Атаман и его ближайший помощник, горный инженер Сиорпас, в своих мечтах рисовали картины будущих казачьих станиц в Белом Урянхае, издавали в Улясутае приказы с призывом своих казаков к борьбе с оружием в руках против ига большевиков и об организации Урянхайского казачества, и даже определили норму будущего душевого надела в двести десятин на каждого казака.

Стали готовиться к походу в Россию. Но еще древние хорошо знали афоризм, что для войны нужны три вещи: деньги, деньги и деньги, а их-то и не было. Поднимался вопрос, где взять средства для отряда, и ответ был скоро найден. Под боком было столько богатства в китайских и русских лавках, огромные средства Центрo-Союза.

Начали с Центрo-Союза. Реквизиция его богатств не казалась предосудительной, ведь, он был русским государственным учреждением, а мы собирались "спасать Россию", следовательно, использование средств Союза было вполне справедливо и законно.

Но этим не ограничились: перешли на частные предприятия, и началась вакханалия реквизиций, ничем не отличающаяся от подобных реквизиций, производимых в России большевиками.

Склады интендантства ломались от товаров, все помещения завалены и на дворе огромные ярусы, покрытые брезентом. По слухам, стоимость реквизированных товаров была более двух миллионов долларов. Соответствует ли эта цифра действительности, не знаю, никакого

правильного учета реквизируемым товарам не производилось. Быть может, вы спросите меня, для какой цели реквизировалось такое огромное количество товаров, - весь отряд состоял только из двухсот человек. Казанцев и его штаб отвечали: "когда мы, в своем наступлении через Урянхай, войдем в русские пределы, наш отряд, подобно снежному кому, брошенному с высокой горы, разрастется в такую боевую единицу, которую можно назвать только армией, а для нее будут нужны большие средства".

Товары упаковывались, готовились к отправке, велись переговоры с монгольским сайтом о доставке верблюдов для транспорта. Предполагалось отправить товары к русской границе. Странная, ничем не оправдываемая самоуверенность господствовала в отряде. Не было и мысли о возможной неудаче, о безумной затее бороться с правительством, державшим в своих руках боевые ресурсы огромного государства.

Передавали преувеличенные слухи об успехах Унгерна, о его движении на Иркутск и т. д.

Уверенность атамана возросла после обещания ему помощи со стороны правящих классов сойотского народа.

Красная пропаганда проникла также и в Сойотию. Всеразрушающая рука большевизма пошатнула и здесь вековые устои общественной жизни первобытного народа. Идеи большевизма дали прекрасные всходы на почве Сойотии. Сойоты стали отказываться слепо подчиняться своим "нойонам", прекратили платежи различных налогов и поборов в пользу господствующего социального класса.

Положение создалось настолько угрожающим, что глава Сойотии, Хамбо-Лама, вынужден был бежать с родины и укрылся в одном Монгольском монастыре. "Белое движение" в Монголии, казалось, давало ему шансы вернуть утраченные былые влияние и власть. Он обещал Казанцеву широкую поддержку людьми и оружием.

Обстановка, как будто, складывалась для нас, "белых", благоприятно. Уверенность в успехе росла.

На Пасху атаманом был издан приказ с поздравлением по случаю праздника, и выражалась уверенность, что следующий Святой Праздник мы встретим на родине, в кругу близких и дорогих нам людей.

Первый поход в Урянхай.

На третий день Пасхи отряд выступил из Улясутая и отправился в Самагалтай Курэ, в Урянхайском крае.

Отрядом командовал поручик Поползухин, умный, энергичный офицер, один из немногих уяснивших себе все безрассудство задуманного предприятия.

Я слышал впоследствии, что Поползухин, перед выступлением отряда из Улясутая, советовал некоторым колонистам немедленно покинуть город. "Будет поздно думать о побеге, когда отряд вернется разбитым", будто бы говорил Поползухин.

Сам атаман отправился в Сойотию, к своим союзникам-князьям - за обещанной помощью.

Тарлакшин.

Отряд пришел в Урянхай и, дойдя до устья речки Тарлакшин, притока реки Тесь, в двадцати пяти верстах от русской границы, остановился, ожидая дальнейших распоряжений атамана, который сам должен был лично прибыть из Сойотии и принять на себя командование.

От встреченных на границе беженцев мы узнали, что красным хорошо известно о нашем походе и они проявляют лихорадочную деятельность в подготовке отпора нам.

Атаман медлил прибытием. Целая неделя прошла спокойно. Никто не верил в возможность наступления красных, не предполагал перехода ими границы. Наш лагерь, можно сказать, был на мирном положении. Так продолжалось до рокового дня 23-го мая 1921 г.

В этот день пехота отряда вышла на учебную стрельбу по мишеням. Казачья сотня занялась построшкой пригона для лошадей. Свободные от занятий люди бродили по лагерю или занимались каждый своим делом. Ничто не предвещало печального конца.

Вдруг, внезапно, откуда-то совсем близко, раздался залп. Это не была учебная стрельба нашей пехоты. Многие повалились убитыми и ранеными... Из-за небольшого увала, почти рядом с лагерем, вылетали на полном карьере всадники... Развевающиеся красные знамена в их руках сразу объяснили, что случилось.

Застигнутые врасплох люди дрались с храбростью и отчаянием, зная, что пощады от красных партизан не будет. Под напором значительно превосходящего в численности противника, лагерь со всеми запасами был оставлен... Отходили шаг за шагом, отстреливаясь до последнего патрона... Раненые, кто мог двигаться, ползли за отходящими, кто был не в состоянии передвигаться, кончали жизнь самоубийством.

После четырехчасового боя, потеряв девяносто семь человек, главным образом, убитыми (раненых было немного), мы отошли за реку Тесь. Красные не преследовали. Утомленные упорным боем, понеся еще более крупные потери (89 - убитыми, 205 - ранеными), нежели мы, они провели ночь на месте боя, в нашем покинутом лагере и на следующий день ушли обратно, в Русь.

Яркие, красочные иллюзии о победоносном походе в Россию, о захвате Урянхая, рассыпались в прах. Уныло и печально потянулись разбитые жалкие остатки отряда обратно в Улясутай.

Казанцев в Сойотии.

Надежды атамана на помощь сойотских союзников оказались такими же призрачными иллюзиями, как и победоносный поход в Россию. Сойотские князья, давая свои обещания, ожидали, действительно, найти в Казанцеве силу, которую можно было бы использовать для обуздания их непокорных подданных. Казанцев же появился в Сойотии с небольшой группой почти невооруженных людей и потребовал выполнения обещания. Сойоты, быстро учли положение и полную бесполезность для них Казанцева, и решительно отказали в помощи.

Атаман, не обладая политическим чутьем и дипломатическими талантами, потерпел полную неудачу в своей миссии.

Все переговоры были безрезультатны. Лукавые азиаты, признающие только авторитет силы, отказались, в конце концов, от всяких дальнейших разговоров с Казанцевым.

Раздосадованный атаман прибегнул к угрозам и испортил положение в конец. В одну темную ночь толпа вооруженных сойотов напала на юрту атамана. Юрта была обстреляна. Сам атаман и его спутники едва успели спастись бегством в одном белье, бросивши все свое имущество и товары, привезенные сюда на тридцати верблюдах.

Возвращение в Улясутай, приказ №15.

Между тем в Улясутае появились новые лица. Прибыл с особым карательным отрядом правомочный представитель барона Унгерна, капитан Безродный и, одновременно с ним, монгольский отряд в семьсот человек оборванных, босых "цириков" во главе с есаулом русской службы, Вандановым, и монгольским князем Хатын-Батыром.

Мне пришлось видеться с последним и, конечно, мне тогда и мысли не приходило в голову, какую роковую роль должен был впоследствии сыграть этот молчаливый человек в моей судьбе. Он мало говорил, больше слушал с каким-то озабоченным, сосредоточенным взглядом, в котором, временами, казалось, вспыхивали какие-то зловещие огоньки, говорящие о решимости, коварстве и жестокости.

Они привезли знаменитый приказ Унгерна № 15, в котором наряду с диспозицией проектируемого наступления на большевиков из разных пунктов Монголии, указывались меры и кары в отношении врагов России: коммунистов и евреев. Девятый пункт этого исторического приказа гласил: "Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями. Все имущество их конфисковать".

Суд над виновными может быть или дисциплинарный, или же в виде применения разнородных степеней смертной казни.

В борьбе с разрушителями и осквернителями России помнить, что по мере совершенного упадка нравов в России и полного душевного и телесного разврата нельзя руководствоваться старой оценкой.

Мера наказания может быть лишь одна - смертная казнь разных степеней. Старые основы уголовного судопроизводства изменились. Нет правды и милости. Теперь должна существовать "Правда и безжалостная суровость".

Зло, пришедшее на землю, чтобы уничтожить божественное начало в душе человека, должно быть вырвано с корнем.

Ярости народной против руководителей, преданных слуг красных учений, не ставить преград. Помнить, что перед народом стал вопрос: "быть или не быть?". Единоличным Начальникам, карающим преступника, помнить об искоренении зла до конца и навсегда".

Я воздержусь от каких либо комментариев, приведенных только что мною пунктов приказа. Одно скажу: что этот приказ является продуктом трехдневного мышления проф. Оссендовского.

Террор в Улясутае.

Страшный приказ немедленно вошел в жизнь. Еще по дороге в Улясутай, как я уже говорил, Безродный расправился с полк. Михайловым и его спутниками.

В Улясутае одной из первых жертв террора был монгольский сайт Чолтун Бейсси. Голова его скатилась под ударом шашки самого Безродного. Потом началась кровавая вакханалия.

Погиб бывший губернатор Рыбаков, капитан Зубов с женой и пятилетней дочерью. Палачи не щадили ни пола, ни возраста. Беспощадно были истреблены все бывшие служащие Центр-Союза, как большевики, и все, кто носил еврейскую фамилию, или кого считали лицом еврейского происхождения.

Дня не проходило без убийств. В числе казненных были лица, принимавшие активное участие в борьбе с большевиками, бежавшие от их преследований за границу и, по злой иронии судьбы, нашедшие смерть от рук тех, кого они считали своими единомышленниками.

Никакие прежние заслуги не спасали от руки палача.

До отъезда Безродного обратно в Ургу, главная роль во всех этих убийствах принадлежала ему. С неприятным, отталкивающим лицом, бычьими тупыми глазами, взгляд которых заставлял вас как-то съеживаться, - он был прирожденный палач. Достойным сподвижником его был начальник контр-разведки отряда, прапорщик Шалашов, человек крайне темного прошлого.

Шалашов проявлял садизм в изобретении утонченных страданий для жертв, попавших в его руки.

Убивали ночью... Рубили шашками... Было приказано не тратить патронов на эту "сволочь".

Несчастные жертвы раздетые выгонялись на место казни, связанные веревками один за другим. Вязал, обычно, сам Шалашов; по какому-то сатанинскому внушению, он связывал близких людей вместе, чтобы видом смерти дорогого человека еще более углубить мучения жертвы.

Рубили по очереди, на глазах всех остальных приговоренных, ожидавших своей участи. Трупы казненных не зарывались, а оставлялись на месте казни на съедение собакам. Менее, чем в течение месяца, было убито так 42 человека, почти 20 процентов всего русского населения Улясутая, вместе с отрядом.

Это было жуткое время. Никто не мог сказать: будет ли он жив завтра? Не ворвутся ли к нему ночью вооруженные люди и не уведут ли его в страшный трибунал к Безродному и Шалашову?

Дрожали за свою участь... Всюду мерещились шпионы, подслушивающие каждое неосторожное слово. Терроризированные люди перестали доверять своим лучшим друзьям. Говорили шепотом, резко обрывая критическую фразу о действиях Безродного или самого атамана.

Террор совершенно подавил психику, убил всякую инициативу и превратил людей в бессловесное стадо. Одним словом, в Улясутае создалась атмосфера одного из самых худших большевистских "чека".

Трудно сказать, сознавал ли сам атаман Казанцев весь творившийся ужас - во всяком случае, он оставался пассивным. Может быть, Тарлакшинский разгром парализовал его энергию и волю... Перед его умственным взором все время мерещился Унгерн, готовый тяжело покарать его за неудачу под Тарлакшином. "Тарлакшин" - это слово горело огнем в его мозгу. "Почему так случилось?" "Кто виноват?" ... была постоянная мысль атамана. Он искал виновников поражения и... нашел. "Виноват пропавший без вести на поле битвы поручик Поползухин - командир отряда, он изменник, он предал отряд красным" ... Так думал атаман. Но Поползухина нет, его нельзя покарать за предполагаемую измену... И искупительной жертвой за него падает его беременная жена, неграмотная, простая женщина.

Когда атаману докладывают о ее беременности, он цинично замечает: "что де ничего путного от будущего ребенка, отец которого - большевик, ждать нечего". Беременную, больную женщину за несколько часов до родов стаскивают с постели и убивают.

Подготовка ко второму походу.

С отъездом Безродного террор пошел на убыль. Дышать стало свободнее.

Во исполнение приказа барона, стали готовиться к новому походу в Урянхай. Веры в успех было мало. Тарлакшинский разгром подействовал отрезвляюще на экзальтированные головы новых завоевателей. Жгучие сомнения закрадывались в душу каждого. Но приказ барона в ясной и категорической форме требовал снова идти в Россию через Урянхай. Ослушание казалось невыносимым и началась усиленная подготовка к походу. Потери в людях были пополнены. Вопрос о недостатке оружия был разрешен очень просто. Бароном из Урги был отправлен в Кобдо, к Кайгородову, транспорт оружия. По дороге, в Улясутае, большая часть этого оружия была задержана Казанцевым для вооружения своего отряда.

Оправдываясь в своих действиях перед бароном, Казанцев обвинял Кайгородова в нелояльном отношении к Унгерну, в стремлении к самостоятельности и нежелании подчиниться барону. В действительности, это так и было.

Кайгородов, пользуясь отдаленностью Кобдо от Урги, мало считался с директивами грозного барона. Громовые приказы не выполнялись. Люди, которым в Улясутае или Урге грозила бы верная смерть, как большевикам, благополучно сидели в Кобдо, занимали иногда

ответственные посты в отряде. Не только лица, носящие еврейские фамилии, но даже самые подлинные евреи оставались нетронутыми и были в рядах отряда. В то время, как "белые Урга и Улясутай" шли на борьбу с большевизмом под знаменами погибшей монархии - брат покойного русского императора, Михаил, был провозглашен государем Всея Руси - Кайгородов и его штаб, считаясь с настроениями сибирского крестьянства, держались выжидательной тактики, совершенно не выявляя своей политической физиономии.

В Улясутае гремело ура и провозглашалось многолетие в честь нового державного хозяина земли русской, его имя поминали при церковных богослужениях. Гордо реяло над отрядом шелковое желтое знамя с двуглавым орлом.

Кобдо хранило молчание. Только трехцветный флаг, эмблема старой русской разрушенной государственности, скромно висел над штабом отряда, ничего не говоря определенного о политических взглядах людей, собравшихся под его сенью.

2-й поход Казанцева, погром в Улясутае.

К июлю отряд атамана вновь был приведен в боеспособное состояние и двинут снова в Урянхай, во исполнение воли барона и страстного желания самого Казанцева.

В жаркий июльский день выступили из Улясутая.

Сомнения, тяжелые предчувствия лежали камнем на сердцах бойцов. Молча и тихо двигался отряд. Не слышно было обычных удалых песен, шуток. Чувствовали себя, как на похоронах. Было нестерпимо душно. Приближалась гроза... И скоро она разразилась... На 6-й день по выходе из Улясутая, нас догнал на загнанном, покрытом пене коне, нарочный с известием о разгроме Унгерна красными и занятии ими Урги.

Командир монгольского отряда, Ванданов, просил атамана немедленно вернуться обратно.

Атаман в ту же ночь ускакал в Улясутай. На другой день туда же повернул отряд. Скоро до нас долетели смутные слухи о бунте в Улясутае монгольских солдат отряда Ванданова и Хатын-Батыра, о разграблении интендантства и массовом убийстве русского населения.

В Улясутае повторилась картина Кобдосского погрома и, как вы впоследствии узнаете, аналогичных событий, случившихся в Шара-Сумэ, в этот злосчастный для русских беженцев в Монголии год.

Охлаждение, начавшееся между монголами и их освободителями, белыми, чуть ли не в медовый месяц их альянса, быстро перешло в открытую вражду.

Красная пропаганда дала блестящие результаты. Несмотря на всю свирепость Безродновских репрессий, красная крамола не была подавлена. Как это ни странно, действительные агенты советского правительства остались живы и продолжали свою разрушительную работу. Самым выдающимся из них был, бесспорно, колонист Бурдуков. Великолепно владеющий монгольским языком, уважаемый чуть ли не всей Монголией, человек далеко не заурядных способностей, он был опасным орудием в руках красных.

Бурдуков был арестован по распоряжению Казанцева, но, по просьбам, монгол, был пощажен и содержался в лагере Ванданова, дрожа за свою участь, ожидая со дня на день смерти. Конечно, он сделал все, что было в его силах, для спасения своей жизни. Бунт "чихар" (солдат Ванданова) означал для него спасение от почти неизбежной гибели.

21-го июля, давно подготовляемые под самым носом свирепых контрразведчиков Казанцева, события разразились.

Известие о занятии красными Урги послужило сигналом к выступлению.

Вечером 21-го июля жители города были встревожены рядом ружейных выстрелов, раздавшихся в лагере Ванданова. Сначала им не придали значения. Монголы часто занимались учебной стрельбой. Потом, когда выстрелы участились, послали в лагерь узнать, в чем дело. Посланный не вернулся. Послали еще раз, с тем же результатом. Стало темно... В лагере стрельба затихла, но вместо нее выстрелы слышались ближе. На соседних высотах, саженьях в 200-х от города, засверкали молнии ружейного огня. Сомнений не было: кто-то обстреливал город. Кто?... Первая мысль, мелькнувшая у перепуганных жителей, была: "Пришли красные". Их давно ждали. С падением Урги их появление в районе Улясутая могло каждый час стать реальной действительностью. Никто не мог предположить, что стрелявшие были монголы - "союзники".

Где искать спасения??? Куда бежать от красных??? Конечно в лагерь Ванданова - был естественный ответ на эти вопросы. Часть людей бросилась туда и погибла под выстрелами "чихар", которые, перебив своих инструкторов, "белых", двинулись к городу. Ванданов в это время находился у Казанцева. Заслышав стрельбу, они, видимо, поняли происходившее и поспешили первыми бежать.

Монголы, войдя в город около 12-ти часов ночи, начали рыскать повсюду, грабя интендантство, отыскивая и убивая русских мужчин. Женщин щадили, их погибло всего восемь и то, вероятно, случайно.

Всю ночь продолжались грабеж и убийства. На рассвете "чихары" покинули город. Все, что не было унесено ими, было расхищено соседними монголами. 72 человека пали жертвой этой печальной ночи. Атаман спасся и после недели ночных странствований, истощенный и оборванный, явился в свой отряд. Ванданов погиб.

Отход на Кобдо, разгром Курэ.

Чувствовалась полная растерянность. Попытка атамана повести отряд на север, в непроходимые дебри Урянхая, была встречена ропотом. Раздались голоса: "В Кобдо, на соединение с Кайгородовым". Теряя под ногами почву, атаман уступил - он боялся открытого бунта.

Все планы рухнули. С потерей Улясутая и всех материальных средств отряда рассеивались долго лелеянные мечты об Урянхае, о походе на Русь. Во всем этом виноваты монголы. Жажда мести охватила Казанцева и часть людей из его отряда. Правда, непосредственные виновники были вне сферы достижения мстительной руки, но здесь, рядом, были те же монголы, по духу - единомышленники с улясутайскими грабителями и убийцами; у некоторых даже найдены кой-какие вещи из разграбленных интендантских складов Улясутая и, следовательно, все они преступники и должны понести заслуженную кару, - такова была юридическая концепция, сложившаяся в голове Казанцева и окружающих его людей.

Полилась кровь невинных людей, сопровождаемая диким грабежом. Монгольские монастыри - Курэ, встретившиеся по дороге, сделались жертвой мести. Больше мстить было некому: население при приближении отряда разбежалось, оставляя лишь пустые айлы.

Три курэ были разграблены. Их обитатели ламы (монахи) и их ученики, банди, не успевшие бежать, перебиты. Кровь служителей религии лилась около жертвенников и священных алтарей Будды. Никогда, кажется, еще религиозному чувству монгольского народа не наносилось подобного оскорбления.

Я не могу еще и сейчас вспомнить без содрогания и ужаса эти сцены. Ярko встают они передо мною. В последнем из разграбленных курэ к нашему приходу остается лишь 7 мальчуганов-банди. Ламы и остальные обитатели курэ бежали. Не знаю, почему эти несчастные не последовали за ними. Два дня мальчуганы были в страхе смерти, переходя от надежды к

отчаянию, стараясь всеми способами услужить страшному нойону и его людям.

В день ухода из курэ их приказали перебить. До сих пор еще в ушах звучат их раздирающие вопли о пощаде... Упали на колени, протягивая руки, с искаженными ужасом смерти лицами, говоря: "Нойон, нойон", но нойон был неумолим... Сверкнули клинки и... все было кончено.

Дикая расправа совершилась перед глазами всего отряда. И люди, привыкшие к виду крови, испытавшие весь ужас мировой и гражданской войны, были смущены. Одни отвернулись, другие мрачно уставились в землю. Все молчали, но у всех была мысль: "надо положить конец этому кошмару".

И конец был близок. Долго сдерживаемое чувство недовольства по прибытии в Кобдо вылилось в форму открытого отказа повиноваться Казанцеву. Весь отряд перешел к Кайгородову и влился в состав его отряда.

Развенчанный неудачник-атаман уехал в Шара-Сумэ, к Бакичу.

Раздавались голоса, требовавшие ареста атамана и суда над ним и его ближайшими сподвижниками, но надвигающиеся события отодвинули все это на задний план.

В Северо-Западной Монголии показались регулярные части красной армии, угрожавшие Кобдосскому району.

На южной стороне Алтайского хребта разыгрались события высокого драматизма, и генерал Бакич с остатками Оренбургской армии появился в округе Кобдо, где к осени 1921-го года сгруппировались все "белые" в Северо-Западной Монголии.

Поход Бакича через Джунгарию.

Отзвуки событий, как я уже говорил, долетели до Чугучака, где была интернирована весной 1920 г. Оренбургская армия ген. Бакича.

Честолюбивый генерал мечтал о лаврах спасителя России от большевизма и прилагал большие старания к сохранению своего отряда. Он верил в непрочность советского правительства, ждал приглашения из России идти туда и помочь восставшему против большевиков народу.

Предложения китайцев об эвакуации отряда на Дальний Восток были отклонены. Генерал решил выжидать событий и они не замедлили.

Весною 1921 г. перед Чугучаком появилась так называемая "Народная дивизия" - остатки повстанческих отрядов, бежавших в пределы Китая после ликвидации советским правительством большого народного

восстания Западной Сибири в районах Петропавловска и Кургана, в феврале 1921 года. Следом за нею вошли в Китай красные войска.

Нарушение нейтралитета Китая не должно показаться особенно удивительным. Оно произошло с согласия китайских пограничных властей и обусловлено было отчасти - поведением самих интернированных русских, отчасти - опасениями китайцев, навеянными монгольскими событиями.

Скоро после перехода русских отрядов на территорию Китая, среди них появились слухи о повсеместных восстаниях в Сибири. Новые беженцы приносили вести о всеобщем недовольстве сибирского крестьянства новой властью, о ряде восстаний, вспыхивающих здесь и там. Все это волновало людей, возрождало надежды на скорое возвращение на родину; у каждого являлась мысль, что он своим участием в борьбе ускорит неизбежный конец большевистской власти.

В приграничной полосе Китая, пользуясь защитой международных законов и, в то же время, нарушая их, стали формироваться мелкие партизанские отряды для борьбы с большевиками. Эти отряды, появляясь в русских приграничных районах, сильно тревожили большевиков, парализовали все их торговые сношения с Китаем и являлись постоянным возбуждающим ферментом для сибирского населения приграничной полосы и даже во внутренних областях Сибири.

Сам Бакич старался быть вполне лояльным с китайцами, преследовал все попытки в отношении организации отрядов, хотя, быть может, побудительными стимулами здесь были не чувство лояльности к китайцам, а скорее опасения за целостность своего отряда.

Полковник Савин, есаул Шишкин и Остроухов, пытавшиеся сформировать военные отряды для похода в Россию, были арестованы китайскими властями при видном участии генерала Бакича, и провели два года в ужасных условиях китайской тюрьмы.

Китайские власти явно тяготились интернированным отрядом и искали только удобного случая отделаться от него. Монгольские события и приход "Народной дивизии", отказавшейся немедленно по переходе границы сдать оружие, послужили такими случаями.

Красные войска, по приглашению пограничных китайских властей, появились на территории Китая.

Интернированный отряд был захвачен врасплох. Средств для борьбы не было. Оставалось или бежать, или сдаться на милость неумолимого врага. Большинство выбрало первое.

21-го мая 1921 г. отряд почти без оружия, без транспортных средств поспешно оставил лагерь. Через несколько часов после ухода отряда

красные заняли догоравшие остатки лагеря. Начался беспрецедентный поход через безводные, голодные степи Джунгарии.

Шли целыми днями под палящими лучами жгучего летнего солнца, от зари до наступления темноты, проходя в первые дни, когда сзади, не отставая ни на шаг, двигались враги, по 50 верст. Спотыкаясь, падая, снова поднимаясь, тащились люди. Бесконечной лентой по каменистой равнине, оставляя за собой ободранные скелеты павших животных, разный домашний скарб и кучки отсталых, измученных в конце людей.

Невыносимо жгло солнце, в висках стучало как молотом... Только одна мысль была у всех: "добраться бы до воды". Вот-вот казалось, сейчас подойдут к тихому спокойному озеру, осененному прекрасными рощами... Там конец всем мучениям. Подходили ближе и... все исчезало. Вместо зеркальной манящей поверхности, те же камни, песок и жалкие колючие кустарники пустыни.

Только прохлада приносила отдых усталым людям. Добирались до стана, варили 1/2 фунта мяса, получаемые каждым, прибавляли жалкие стебли травы, сорванной на дороге, несколько кусочков кожи убитого или павшего в пути животного, съедали и засыпали, как убитые.

Первые дни красные и китайцы преследовали уходящих. Где-то слышались сзади глухие раскаты пушечных выстрелов. Это стреляли красные. Они шли на перерез, но опоздали и обстреливали арьергарды отступавших орудийным огнем.

Что ждало впереди?... Куда шли?... Никто не знал. Все сознавали лишь одно: надо возможно скорее уходить.

Впереди тянулись пустынные каменистые горы Семистау, а за ними... дальше, вечно-белые, снежные вершины Саура.

Через 10 дней по оставлении лагеря, вошли в горы. Сзади не стало слышно сухих отрывистых ружейных выстрелов, докучливого треска пулеметов. Вздохнули свободнее. Враги отстали, появилась робкая надежда на спасение.

Да... Следовавшие по пятам враги отстали, но впереди была новая опасность. Перед утомленными, почти безоружными людьми стоял целый батальон красной пехоты.

Провидение спасло на этот раз отряд от полного уничтожения. Случайно узнали точно группировку сил врага, не ожидавшего еще появления "белых банд", и 2-го июня в теснинах реки Кубука произошел неслыханный в военной истории бой. Безоружные, утомленные, голодные люди разбили на голову хорошо вооруженного и богато снабженного боевыми припасами противника. С храбростью и отчаянием бросилась

масса людей в атаку на преграждавшего путь врага. Против пулеметов и винтовок - шли с нагайками, топорами, камнями, палками.

Враг не выдержал стихийного напора и бежал, бросая оружие, обозы. Голодные люди не преследовали. Ворвавшись в брошенный вражеский лагерь, бросились к походным кухням, где варилась каша, к телегам, нагруженным хлебом, совершенно забывая о разбитом, бегущем враге.

Здесь группа голодных солдат наткнулась на убитую, откормленную лошадь, из обоза красных. Побросали свое оружие - палки, камни и начали жадно рвать и резать куски мяса убитого животного; там какой-то казак наклонился над трупом красноармейца. Рука убитого судорожно сжимает в последнем конвульсивном движении окровавленный кусок хлеба. Хлеб вырван победителем из рук мертвеца и тут же съеден.

От Кобука до Шара-Сумэ.

Кобукский бой спас отряд от захвата его красными. Путь дальше был открыт. На совещании у Бакича решено было двигаться по линии наименьшего сопротивления через Шара-Сумэ в Монголию. Переходу от Кобука до Шара-Сумэ суждено стать самой скорбной страницей Бакичевской эпопеи.

Большая часть вьючных животных погибла еще до Кобука, скота оставалось настолько мало, что пришлось урезать суточный рацион до 1/4 фунта мяса на человека и ничего больше. Силы людей надорваны предыдущими быстрыми, большими, переходами. Теперь каждый шаг отряда отмечался трупами погибших от голода людей. Ели все, что только можно разгрызть зубами. Ни одна часть убитого или павшего животного: лошади, верблюда или быка, не бросалась. Кожа, внутренности - все жадно съедалось. Ели негодную изношенную обувь, сделанную из сырой кожи, корни каких-то растений. Рассказывали, что на одном переходе видели мертвеца, закусившего зубами полуобглоданную руку другого трупа. Были случаи, когда обессиленные матери оставляли своих грудных детей на съедение степных хищников.

Подшли к Иртышу. За ним виднелись покрытые роскошной весенней растительностью зеленеющие предгория Алтая, манящие к себе усталых людей.

Весенний разлив преграждал путь. Казалось, не было никакой возможности переправиться через мутные быстрые воды реки. Когда вода несколько спала, с большим трудом, потеряв на переправе 20 человек

утонувшими, переправились через Иртыш. На его берегах была первая стычка с китайскими войсками из Шара-Сумэ.

Переговоры с китайскими властями не дали никаких результатов. Потянулись дальше. Отсюда до Шара-Сумэ дорога была буквально усеяна трупами погибших от голода и истощения людей.

За весь поход погибло более 1 000 человек и большая часть на последних переходах между Иртышом и Шара-Сумэ.

По самой дороге, в кустах, в оврагах, везде, где можно было найти хоть какую-нибудь тень от лучей палящего солнца, лежали умирающие люди и жалобно умоляли проходящих дать им воды или сказать об их положении их близким и знакомым, ушедшим вперед. Просьбы были, большею частью, тщетны. Всеобщее бедствие, страшная борьба за жизнь сделала людей бесчувственными к чужим страданиям, ожесточила их сердца.

Шара-Сумэ было близко. Всего лишь 15-20 верст оставалось до города, но в нем был вооруженный враг, снова преграждавший путь. Надо было уничтожить его, взять город. Это был вопрос жизни и смерти...

События в Шара-Сумэ.

Шара-Сумэ давно уже ждало незваных гостей. Задолго до появления Бакича на Иртыше полетели разносимые киргизами на их быстрых степных скакунах слухи о несметном количестве русских, о силе, против которой ничто не могло противостоять.

Передавали фантастические слухи о Кобукском бое, тысячах убитых красных, о множестве пушек и пулеметов, захваченных победителями.

"Русским нет числа... Ночами зарево их костров видно за сотни верст, огней в их лагере больше, чем звезд на небе", так говорили между собой испуганные обитатели пустыни, поспешно укочевывая с пути нового переселения народов и забиваясь в самые недоступные щели и горные теснины.

Слухи долетели до Шара-Сумэ, где жили более 200-т человек русских беженцев. Сначала слухам этим не верили, хорошо зная легкоеверие и пылкую фантазию киргизов. Но скоро поняли их реальность.

Власти заволновались. Из Шара-Сумэ потянулись на юг, к Иртышу, войска, отправлена артиллерия. Находившиеся в городе китайцы и сарты получили от властей оружие. Говорили, что русских в город не пустят, что губернатор предложил им, не заходя в город, двигаться дальше и обещал продовольственную помощь.

Казалось, все будет улажено мирно и... вдруг, совершенно неожиданно, спустя неделю после отправки первых эшелонов китайских войск к Иртышу, пришло известие: "Русские перешли Иртыш и захватили в плен высланные против них войска".

Впечатление было потрясающее. Губернатор Джо-у-Сюэ покончил жизнь самоубийством, не надеясь воспрепятствовать движению русских и захвату ими Шара-Сумэ.

В городе началась паника. Власти растерялись и стали эвакуировать город. Вооруженный сброд занялся грабежом богатых базаров.

Часть наиболее ценного имущества была вывезена в небольшой городок Бурчум на Иртыше и оттуда отправлена на верблюдах в Урумчи. Большая часть разграблена китайскими солдатами, сравнительно незначительная часть осталась не вывезенной и сделалась впоследствии добычей отряда Бакича.

Китайцы, охваченные какой-то необъяснимой паникой, уходили с необычайной поспешностью.

Мост на р. Кране, на берегах которого расположено Шара-Сумэ, был сорван весенним наводнением. Переплавлились в лодках, вплавь. В тесноте и сумятице переправы утонуло более 30-ти человек.

Город опустел. Остались лишь его русские обитатели, сарты-мусульмане и незначительное число китайцев.

Ждали, что полуразграбленный, беззащитный город привлечет к себе полудиких киргиз из окрестных гор. Была сформирована самоохрана из русских и сартов.

Опасность, однако, явилась оттуда, откуда ее и не ждали. Китайские власти, когда состояние панического страха, вызванное самоубийством губернатора, неповиновением вооруженной черни улеглось, вызвали с пограничных постов отряды Дунганских солдат, сравнительно дисциплинированных и хорошо вооруженных, и направили их в Шара-Сумэ.

Город был вновь занят китайцами. В этот же день к городу с передовыми частями своего отряда подошел генерал Бакич. Не дожидаясь подхода главной массы своих людей, он с незначительными силами атаковал город, был отбит и вызвал своей безрассудной атакой массовое избиение русских подданных, проживавших в Шара-Сумэ.

Отбивши атаку Бакича и оттеснив его от города, дунгане обрушились на мирное русское население.

Русская фактория запылала в разных концах. Правда, большая часть ее обитателей разбежалась, но много и осталось на местах, особенно

мусульман русско-подданных, не предполагавших совершенно, что их единоверцы - дунгане с такой яростью обрушатся на них.

Всю ночь свирепствовали дунгане. Никто из попавшихся не был пощажен. Только темнота ночи, освещаемая лишь светом пожара, спасла обитателей фактории от поголовного истребления.

Убивали зверски. Трупы жертв были покрыты десятками огнестрельных и сабельных ран. Семья богатого русского татарина Абдрахманова была сожжена заживо в их доме.

Часть русских, не успевших скрыться, забаррикадировалась в одном доме и отстреливалась несколько часов, пока дунгане, убедившись в невозможности взять их без потерь, оставили их в покое и они под прикрытием мрака ночи, вышли из города.

В эту ночь погибло более 45 человек и в числе их много детей и женщин.

Оставшиеся в живых разбежались по окрестным горам, прячась в оврагах и ущельях, где многих из них, после занятия Шара-Сумэ войсками Бакича, находили едва живых от голода, полупомешанных от ужасов пережитого.

Занятие Бакичем Шара-Сумэ.

Через несколько дней последовала вторая атака, решившая судьбу города. Перед боем Бакич в приказе объявил, что он отдает город на три часа в руки бойцов. Сознание безвыходности положения подняло упавшие силы.

Несмотря на храбрую оборону, город был взят. Защитники - дунгане бежали.

Город был на этот раз разграблен окончательно и полуразрушен.

Ворвавшиеся части отряда искали только съестных припасов. Дорогие товары, шелка, различные предметы роскоши бросались, как негодный хлам. Хватали все, что, казалось, можно было употребить в пищу. Были забавные случаи. Некоторые принимали тонкие китайские жертвенные свечи за вермишель и ели их, хватали куски сартовского мыла, принимая их за китайский хлеб. Сальные свечи были изысканным лакомством. В поисках пищевых продуктов лихорадочно бегали из дома в дом, переворачивали все вверх дном, искали муку, рис.

Занятие Шара-Сумэ и разгром китайцев дали возможность Бакичу вооружить часть своего отряда. Появилась даже артиллерия. Китайцы при поспешном отступлении бросили несколько старых горных орудий и много снарядов к ним.

Мечты о походе в Россию снова ожили. Приносимые киргизами слухи о восстании против большевиков в пограничных областях Сибири поддерживали надежды. Заговорили о предстоящем скоро движении к русской границе.

Окружающая печальная действительность не обескураживала воинственного генерала. Не важно, что в лагере под Шара-Сумэ люди голодали, умирали ежедневно десятками. В городе и окрестностях не осталось ни одной собаки, ни кошки, - все пошло в пищу будущим освободителям России от красного кошмара.

Сам Бакич и его штаб лихорадочно готовились к борьбе с большевизмом.

Составлялись и печатались многочисленные воззвания к сибирскому крестьянству с призывами подняться с оружием в руках против красных угнетателей.

Над помещением штаба отряда развивалось огромное красное знамя революции, на котором скромно в уголке были нашиты старые национальные цвета - символ примирения борцов за старую русскую государственность с новыми революционными началами.

Формировались новые боевые части, приобретались лошади для кавалерии, в мастерских спешно чинили взятое и попорченное оружие. Наладилась связь с отрядом Кайгородова, который также должен был двинуться в пределы русского Алтая.

Но красные не стали ждать появления своих старых врагов под новыми красными знаменами и предупредили их.

Появление красных в округе Шара-Сумэ, отход на Кобдо.

В то самое время, когда Бакичем торжественно было объявлено о походе в Россию, красные войска появились на территории Китая вновь.

Попытки отразить врага, хорошо вооруженного, снабженного сильной артиллерией, были безнадежны. Сдан был Бурчум. Находящиеся здесь части отряда, захваченные врасплох, бежали, оставивши в руках красных много пленных и китайские пушки.

Красные двинулись по направлению к Шара-Сумэ. На путях к городу, у реки Темерчек, Бакич пытался остановить продвижение их. Бешеной атакой народной дивизии (повстанцев из Сибири), красные на один момент отбрасываются обратно. Но не поддержанные во время другими частями, народники вынуждены отойти. Оправившийся враг продолжает наступление.

Задержка дает возможность эвакуировать Шара-Сумэ. Большинство после пережитых ужасов похода через голодные степи Джунгарии, предпочитает сдаться на милость победителей, нежели двигаться снова куда-то в туманную неизвестность, к новым испытаниям.

Пятого сентября Шара-Сумэ было покинуто.

Наступала осень. Алтай был во всем великолепии своего осеннего убора. Расплавленным золотом и кровью горела на темном фоне хвойных лесов еще не опавшая листва березы и осины. Вершины оделись уже зимним нарядом, ослепительно сверкая под лучами горячего еще летнего солнца.

Затихли в отдалении раскаты орудийных выстрелов. Последние арьбергарты вышли из-под обстрела. Красные не преследовали.

Медленно тянулись бесконечной, извивающейся змеей люди, верблюды, лошади по узкой каменистой тропинке, среди молчаливого девственного первобытного леса.

На третий день выбрались на вершину перевала, в область вечных снегов.

Неприветливо встретил русских изгнанников, старый, седой, Урмагайты. Бешено ревели метель в мрачных, черных утесах по сторонам перевала. Ветер рвал с ног, засыпал снегом, по колено в нем брели промокшие, иззябшие люди.

Ночевали под самым перевалом, на болотистых берегах озера Даин-гол. Все были голодны. В течение более суток люди получили лишь по 1/2 фунта мяса и по горсти сухарей.

Более ста трупов осталось погребенными под снегами перевала. Рассказывают, что отряд красных преследовал уходящих, но, дойдя до вершины перевала, усеянного трупами замерзших людей, вернулся в Шара-Сумэ.

События в Монголии. Хаз-Батыр.

Жалкие остатки Оренбургской армии спустились с неприветливых, угрюмых высот Алтая, в равнину Монголии, где вместо союзников-монгол, как думали, уходя из Чугучака, их встретили монголы-враги.

Политическое и военное положение в пределах Западной Монголии к осени 1921 года сложилось определенно не в пользу белых. Унгерновская авантюра, формирование белых отрядов на территории Монголии, полный паралич всех торговых сношений с этой страной, захват белыми организациями крупных ценностей Центрo-Союза заставили советское

правительство обратить внимание на условия, создавшиеся в соседней стране.

Трудно сказать, по каким причинам не были отправлены в Западную Монголию достаточно воинские крупные силы для быстрой ликвидации небольшого Кайгородовского отряда.

Ограничились лишь посылкой одного батальона пехоты и особого кавалерийского отряда, под общим командованием тов. Байкалова, как вы увидите, человека, далеко не заурядного, с огромной волей, решительного и не плохого дипломата.

Видимо, красные возлагали свои надежды не на силу оружия, а на более могучее в их руках орудие борьбы - слово, на неотразимое действие их заманчивых лозунгов на психику монгол. С поразительным искусством и ловкостью они связали свою политическую пропаганду и агитацию против белых с религиозными и политическими чаяниями монгол, используя одно древнее, монгольское сказание о национальном монгольском герое, Амур-Сане.

"Много, много веков тому назад Монголия была сильной, могучей страной", гласит предание. "Сам китайский Богдо-Хан склонялся перед волей Монголии, но князья завидовали друг другу, враждовали между собою, боролись за верховную власть.

Смуты ослабили страну. И страна, когда-то диктовавшая свою волю Китаю, давшая ему Императорскую династию, стала китайской провинцией.

Много князей, одаренных почестями из Пекина, по корыстным мотивам признали верховную власть Императора Китая. Но славный, молодой князь Амур-Сан не хотел подчиниться.

Долго и упорно боролся он против чужеземцев. Несчетные рати высылали против него Повелитель Небесной Империи. Монгольские князья, одни из-за страха, другие, подкупленные почестями Пекина, изменили герою и он вынужден был бежать на Запад, в страну, которой когда-то владели его предки. Но великие боги, покровители монгольского народа, не могли допустить, чтобы героя постигла судьба всех смертных.

По воле богов, дух Амур-Сана должен был жить, и когда наступит время, предопределенное богами, вновь воплотиться в телесную оболочку, вернуться на родину и изгнать всех врагов монгольского народа, оскверняющих своими нечестивыми руками его священные рощи, реки и озера, объединить все монгольские племена и возродить былое величие Чингис-Хана".

Вот эта-то легенда и была использована красными.

Легендарный герой Амур-Сан появился воплощенным в телесную оболочку "славного и непобедимого воина Хаз-Батыра".

Трудно сказать, что это был за человек. Мне, к сожалению, не удалось видеть его. Во всяком случае, это очень интересный тип. Красные возлагали на него, судя по кой-каким захваченным документам, большие надежды. Из переписки видно, что в России все власти были обязаны оказывать всяческое содействие гражданину Хаз-Батыру, ему было предоставлено право проезда на железных дорогах в особых вагонах, предназначенных только для высших органов власти.

Кто он был?... По одним сведениям, он был бурят из Забайкалья, по другим - калмык из Астраханской губернии.

Деятельность Хаз-Батыра.

В конце мая 1921 г. Хаз-Батыр, с большой помпой, в сопровождении конвоя из русских и монгол, прибыл к самым западным из монгольских князей, Далай и Дзорику ханам.

Уверовали ли, на самом деле, ханы в божественную миссию Хаз-Батыра, или, просто, в данный момент союз с красными более отвечал их интересам - не знаю.

Хаз-Батыр был принят князьями с величайшей пышностью, подобающей его высокому сану, и сделался фактически руководителем дербетских племен.

Красные проявили лихорадочную деятельность. В Иркутске на монгольском языке стала издаваться газета "Монгольская Правда", распространяемая в тысячах экземпляров по всей Монголии. Монгол призывали к союзу с Великой пролетарской Республикой, к изгнанию из пределов Монголии "предателей и прислужников капитализма, собак - белых".

В дербетских княжествах было образовано Революционное Правительство Северо-Западной Монголии.

Формировалась революционная монгольская армия, на красных знаменах которой, было изображение священного монгольского знака "Суастик" - креста с загнутыми в одну сторону концами.

Высший орган Правительства - "Верховная Канцелярия", проявлял кипучую деятельность. Множество приказов, воззваний распространялось по всем хошунам Западной Монголии. Предписывалось срочно везде произвести мобилизацию и поставить определенное, от каждого хошуна, число людей в распоряжение Хаз-Батыра.

Все распоряжения приказывалось выполнять в самый кратчайший срок. Командированные тушметы и нарочные должны были скакать со скоростью не менее 500-600 верст в сутки.

Однако, не смотря на всю энергию Хаз-Батыра, мобилизация шла, в общем, далеко неудовлетворительно. Население отказывало давать солдат, и начальнику монгольской революционной армии, русскому колонисту Никитину - Нам-Сраю, как его называли монголы, удалось сформировать отряд всего лишь в 300 человек, к ним присоединили небольшое количество красноармейцев.

Ждали прибытия из России более крупных подкреплений, чтобы двинуться на Кобдо.

Кайгородов и его отряд.

В Кобдо, после оставления города китайцами, верховная власть перешла в руки есаула Кайгородова.

Это была, пожалуй, самая занятная фигура из всех белогвардейских вождей в Монголии.

Высокий, широкоплечий, с красивым восточного типа лицом, наполовину русский, наполовину инородец алтайской крови, он больше думал о своем родном Алтае, нежели, вообще, о России.

Непримиримый враг большевиков, он не слагал оружия с момента перехода границы. Его маленький отряд, состоявший, главным образом, из инородцев-алтайцев, находился все время в пограничной полосе. Еще летом 20-го года он с ничтожными силами пытался проникнуть в Алтай, но был разбит красными и вынужден вновь укрыться в Монголии.

Единственный, кажется, из всех белогвардейских вождей он сумел до конца ладить с монголами, не допуская никаких реквизиций, грабежей и карая всякие случаи насилий в отношении монгольского населения.

Бескорыстный, заботившийся горячо о своих партизанах, он пользовался большой популярностью среди нижних чинов своего отряда, особенно инородцев.

Политические вопросы мало интересовали Кайгородова. Он не задумывался особенно над тем, во имя каких принципов бороться с большевиками. Большевизм казался ему злом, угнетающим дорогой его сердцу Алтай. Надо было сначала побороть это зло, а дальше будет видно, что делать - такова была бесхитростная политическая концепция есаула. Здесь он был фанатиком, оставшимся до конца, до последнего вздоха, верным своей идее непримиримой борьбы с большевиками.

Будучи человеком практического склада ума, Кайгородов в свое время учел неуместность монархических лозунгов Унгерна, в то же время ничем не выявил политической окраски своего отряда. Только с приходом Бакича с красными знаменами он принял ориентацию последнего, официально объявив себя сторонником и борцом за демократические начала, попранные большевиками. В сущности же, он был глубоко безразличен к демократическим лозунгам, возвешенным официально особой программой, им утвержденной, программой на основах весьма левого радикализма, весьма близкой к программе партии левых эс-эров.

Честный, прямолинейный человек, храбрый солдат, он был плохой политик и полководец. Не злой по природе человек, под влиянием минуты, он был способен на убийство, особенно, под действием алкоголя. Грубость и вспыльчивость Кайгородова привлекала к нему солдат, считавших это проявлением особых душевных качеств справедливости их вождя и отталкивала офицеров, с которыми есаул обращался так же, как с солдатами, почти не делая разницы. В минуту бурных вспышек его полуазиатского темперамента, тяжелый кулак одинаково обрушивался и на головы солдата и офицера.

Этот своеобразный демократизм привлекал к нему сердца простой солдатской массы, видевшей в нем своего родного, близкого, человека.

Офицеры не любили Кайгородова, многие даже ненавидели его, но он мало заботился об этих чувствах, не ценил их помощи и ушел на свой Алтай в сопровождении только трех офицеров из всего своего отряда.

Кайгородов был природный партизан, превосходный вождь, маленького, партизанского отряда, но совершенно не годился там, где нужны были широкий кругозор и военная подготовка.

И вот, этот-то человек очутился в центре событий, характер и значение которых далеко превосходили его способности.

Попытки Кайгородова двинуться в Россию.

Все русское население кобдосского района было мобилизовано Кайгородовым и присоединено к его инородческому отряду, который был назван "Сводным Русско-Инородческим партизанским отрядом войск Горно-Алтайской области".

Кайгородов верил в успех своих планов. Он надеялся, что в диких и недоступных теснинах и ущельях горного Алтая он сможет бороться с своими заклятыми врагами - большевиками: он надеялся, что появление

его отряда на Алтае послужит сигналом к народному восстанию в этой области против советской власти.

Слухи с Алтая, время от времени приносимые новыми беглецами, казалось, давали основания его надеждам.

Говорили о восстаниях в горных областях Алтая, о крупных успехах повстанцев над правительственными, красными войсками, о всеобщем нетерпеливом ожидании есаула, всем алтайским населением.

Есаул спешил с походом на Русь, однако внешние обстоятельства удерживали его в Монголии. Два раза объявлялся поход. Отряд выходил и оба раза должен был возвращаться, не доходя до русской границы.

Военная обстановка, как вы знаете, складывалась крайне неблагоприятно к осуществлению любимой мечты есаула.

Как я уже сказал выше, какие-то причины препятствовали большевикам выслать в Монголию достаточно крупные силы, для быстрой ликвидации кайгородовского отряда.

Настроение алтайского крестьянства было на самом деле таково, что появление Кайгородова на Алтае могло доставить советским властям и коммунистам, много неприятностей и тревог.

Надо было пока, пользуясь тем, что было под руками, удержать Кайгородова в Монголии и, до концентрации на Алтае более сильных воинских частей, не пустить туда есаула.

Задача эта была блестяще решена большевистским командным составом, правда, отчасти за счет своих союзников - монгол. Пришлось временно пожертвовать Северо-Западным Монгольским революционным Правительством.

Военные операции Кайгородова.

После небольшой неудачи в районе Бэкен-Морена (около русской границы) в июне 1921 года, отряд Кайгородова, в начале августа, направился к русской границе.

Большевики и их союзники - красные монголы, не чувствуя себя достаточно сильными, избегали боя. Тем не менее, Кайгородову удалось неожиданно захватить противника у Намирского курэ, где был сосредоточен русско-монгольский отряд. Бой закончился полным поражением красных. Тяжело раненый командир красного отряда, колонист Никитин, - Нам Срай, не желая попасть в руки победителей, взорвал себя ручной гранатой.

Остатки разбитого отряда бежали к Баярымскому курэ, где вторично были настигнуты Кайгородовым; здесь, в курэ, находился сам Хаз-Батыр и члены Монгольского Правительства. Все они едва не попали в руки Кайгородова, бросив в курэ всю правительственную канцелярию и архивы со множеством интересных документов, относящихся к деятельности нового Правительства.

Хаз-Батыр бежал из пределов Дербетских хошунов к русской границе, откуда в это время спешил на помощь к своим союзникам тов. Байкалов с одним пехотным батальоном и особой кавалерийской частью. Пока Кайгородов приводил к покорности дербетских князей, Байкалов и неутомимый Хаз-Батыр, успевший сформировать новый монгольский отряд, появились на левом фланге Кайгородова, угрожая Кобдо.

Мысль о продолжении похода в Россию пришлось оставить. Надо было немедленно возвращаться назад - защищать Кобдо, где оставались штаб отряда интендантство и семьи ушедших бойцов.

Защита Кобдо была бы нелегким делом, если бы в это время Кайгородов не был усилен пришедшим из Улясутая отрядом Казанцева. Приход последнего резко изменил боевое положение сторон. Байкалов от активных операций вынужден был перейти к обороне. Избегая решительных столкновений с Кайгородовым, Байкалов и его монгольские союзники двигались в восточном направлении (Кобдо) и, около западных берегов большого горного озера Толбо-Нор встретились с Кайгородовым, который стянул сюда все свои силы.

Бой у Толбо-Нора, как и предшествующие стычки, не дал никаких определенных результатов, однако, ясно показал Байкалову невозможность борьбы с Кайгородовым в открытом поле.

Надо было ждать подкреплений из России. Какие-либо решительные операции были немыслимы, всякие настойчивые попытки в этом направлении могли привести к полному разгрому отряда. Байкалов верно оценил положение и перешел к обороне.

Он занял на берегах Толбо-Нора небольшой монгольский монастырь Сарул-Гун-Курэ и укрепился в нем. Кайгородов подошел к курэ и окружил его. Через два дня, 19-го сентября, у стен курэ был и Бакич со всеми своими боеспособными частями.

Предложение сдаться было отвергнуто Байкаловым и, 21-го сентября, произошел штурм курэ.

Численный перевес более, чем в пять раз, был на стороне белых. Настроение бойцов было приподнятое, господствовала полная уверенность в успехе, никто ни на минуту не сомневался во взятии курэ. В атаку

бросились с энтузиазмом; курэ, можно сказать, было в руках атакующих, тем не менее, бой закончился полным поражением белых.

Мне не удалось быть под курэ, и я не могу точно установить причины неудачи. Говорят, бой был проигран вследствие плохо разработанного плана атаки - надеялись, главным образом на значительный перевес. Массы людей, брошенные в атаку со всех сторон, скучились на маленьком пространстве, попали под собственный огонь, перемешались, всякая связь между частями и командным составом была потеряна и, в результате - тяжелое поражение с потерей более чем 250 человек убитыми и ранеными.

Движение Кайгородова в Россию, Кош-Агач.

Неудача под курэ не обескуражила Кайгородова, он мог все же теперь, с приходом Бакича, осуществить свою, так долго лелеянную, мечту и двинулся со своим сильно поредевшим отрядом к русской границе.

Здесь его ждала новая неудача. Долгожданные Байкаловым подкрепления из России, наконец, появились на границе. В пограничный поселок Кош-Агач пришел целый полк и особый отряд пограничной стражи - всего около 700 человек.

Кайгородов атаковал Кош-Агач и был отбит с тяжелыми потерями.

Но, кажется, ничто не могло принудить этого фанатика идеи отказаться от осуществления дорогой ему мечты: прорваться на Алтай. Под Кош-Агачем он объявляет людям своего отряда о непреклонном намерении идти на Алтай и вызывает добровольцев, желающих разделить с ним участь, и уходит неприступными горными тропинками, с небольшим отрядом в 200 - 300 бойцов в теснины Алтая и там с бешеным фанатизмом он борется, в течение еще целого года, со своим непримиримым врагом, пока не находит себе там смерть.

Разбитый и почти покинутый всеми своими людьми, он гибнет через предательство людей, которым безусловно доверял. Захваченный неожиданно врагами, тяжело раненый, он разрядил шесть патронов своего револьвера в нападавших, а последней пулей разmozжил себе голову.

Положение под Курэ, смерть Хаза.

Сарыл-Гун и Кош-Агач были началом конца. Дух бойцов был подорван двукратным поражением, ничто теперь не могло поднять его. Еще два раза Бакич пытался атаковать курэ, и оба раз неудачно.

Гордо развивалось на развалинах курэ огромное красное знамя. Отбитые атаки подняли дух защитников, сделали их способными выносить все ужасы осады.

Курэ было тесно обложено белыми. Съестные припасы вышли - все было съедено. Люди питались трупами павших животных, лежащих под стенами курэ.

Несколько раз Бакич предлагал защитникам сдаться на почетных условиях, но всегда получался гордый ответ: "Нет". Байкалов предлагал лучше сдаться самому Бакичу, и не продолжать бесполезной борьбы.

Если внутри осажденного курэ было поражение трагическим, то немногим лучше оно было в стане осаждающих. Наступала зима; полуодетые, полуголодные люди замерзали на своих постах. С ужасом ждали суровой монгольской зимы. Носились тревожные слухи о продвижении со стороны Кош-Агача регулярных советских частей, о появлении сильных отрядов красных партизан из Урянхая на севере, в дербетских хошунах, о монголах Хаз-Батыра, идущих с востока, чтобы спасти их вождя и героя Хаз-Батыра, попавшегося в ночь штурма курэ в руки белых.

В сумятице и хаосе ночного боя, Хаз-Батыр бежал из курэ, надеясь на свободе оказать более существенную помощь своим, осажденным в курэ, красным союзникам. Случай погубил его: уже вне линии осаждающих войск он наткнулся на пост летучей почты отряда Кайгородова и был задержан партизанами, даже не подозревавшими, кто был монгол, захваченный ими.

Судьба Хаза была predeterminedена и его голова скоро скатилась под ударом шашки.

При ином положении дел пленение и смерть Хаза были бы событиями огромной важности, теперь же они не смогли сыграть какую либо более или менее значительную роль и предотвратить неизбежно приближавшуюся катастрофу.

Снятие осады Курэ, сдача Бакича.

Недовольство и ропот в лагере осаждающих под курэ скоро вылились в форму открытого бунта против генерала Бакича части его отряда, и привели к полной деморализации, оставшихся верными генералу воинских частей. Три сотни оренбургских казаков ушли из под курэ в Кобдо. Попытка Бакича остановить уходящих привела к открытому вооруженному столкновению. Бакич, преследуя уходящих со своим

личным конвоем, был встречен залпами и едва не был пленен своими взбунтовавшимися подчиненными.

Окончательная гибель остатков Оренбургской армии была близка. Враги надвигались со всех сторон. С запада и севера приближались регулярные красные войска, с востока грозили монголы, отступление на юг было отрезано, - там были китайцы, и на их территории, после Шара-Суминских событий, Бакич не рисковал появляться. Снявши осаду курэ, в последней агонии, он с жалкими остатками своей голодной, раздетой армии делает последнее отчаянное усилие - пробиться в непроходимые дебри Урянхайского края. Попытка кончается неудачей. Окруженный со всех сторон врагами: монголами и красными, он сдается на милость победителей. Вместе с ним и бывший начальник Урянхайского отряда, атаман Казанцев. Бакича и его штаб увозят в Россию; Казанцев тут же, на месте, падает жертвой разъяренных монгол.

Захваченные беспощадным врагом, остатки южной Оренбургской армии гонятся обратно, в Россию, через пустынный Чуйский тракт на Алтае и еще устилают свой последний путь трупами погибших от голода и холода людей.

Уход остатков отряда Кайгородова.

После неудачного боя под Кош-Агачем, большая часть Кайгородовского отряда не пошла за своим вождем, и вернулась в Кобдо, где к ним присоединился казачий дивизион, дезертировавший от Бакича.

Измученные, утомленные борьбой, люди мечтали лишь о мирной жизни, о спокойном месте, где можно было бы отдохнуть от бесконечной борьбы.

Оставаться в Кобдо было безумием. Враги были отовсюду. Слухи о движении на Кобдо монгольских "цириков" Хатын-Батыра стали суровой действительностью. Связь с Бакичем была порвана. Надо было возможно скорее уходить. В конце октября 1921 года Кобдо было оставлено.

Поход в Китай.

Медленно потянулись по каменистой, монгольской равнине бесконечной лентой всадники, верблюды, снова всадники.

Все более и более реальными становились слухи о монголах Хатын-Батыра, и, на 3-ий или 4-ый день по выходе из Кобдо, наконец, встретились с ними. Дальнейшее движение было приостановлено. Хатын-

Батыр потребовал выдачи оружия, предоставляя, в этом случае, право свободного прохода для отряда по территории Монголии.

Требование было отклонено. Никаких гарантий в исполнении обещаний хитрого, вероломного азиата не было. Предпочитают лучше погибнуть с оружием в руках, нежели быть выданными красным. Господствует общая уверенность, что такая участь ожидает отряд в случае сдачи оружия.

Монголы преграждают путь движения отряда в намеченном направлении. Круто поворачиваем на юг, надеясь быстро перейти Алтайский хребет, и выйти из пределов Внешней Монголии в соседнюю китайскую провинцию Синьцзян.

Монголы преследуют. В день изменения маршрута отряда они делают попытку окружить отряд.

Попытка Хатын-Батыра отрезать путь отступления отряда кончается неудачей. Отряд входит в теснины Алтая, в ущелье Ценкера.

Монголы преследуют, часть их обходит отряд и занимает наиболее доступный перевал через хребет по пути движения отряда, другая часть упорно насаждает сзади. Решено ночной атакой отбросить их.

В роковую, для меня ночь на 13-е ноября, наши боевые части бросаются в атаку на монгол, занявших позицию на высоком скалистом гребне.

Я помню ярко последнюю картину, запечатлевшуюся в моем мозгу.

Дикое ущелье Ценкера. Наша сотня рассыпалась по каменистому, крутому гребню. Впереди, перед нами, поднимается еще более высокий, скалистый хребет, на нем - монголы. Отчетливо и резко звучат выстрелы в холодном воздухе осенней ночи, бесконечное число раз повторяет их горное эхо. Мрачным черным силуэтом, подобно спине какого то сказочного дракона, вырисовывается горный хребет на фоне яркого, лунного неба. Яркие вспышки выстрелов там и сям прорезывают тяжелую, зловещую громаду гор, поднимающихся перед нами. Откуда-то снизу, из погруженной в глубокий мрак долины доносится глухое ворчание Ценкера...

Вот, что я видел в последний раз.

Тяжело раненый в голову в эту ночь, я лишился зрения. Кроме меня, в бою было двое убито и несколько легко ранено.

Это были последние жертвы Монголии; кроме них, еще несколько человек погибло на снежных вершинах перевала Машин Даба.

Но я не видел уже картин этого последнего перехода. Почти все время я находился без сознания. Иногда, на короткие моменты, острый, пронизывающий до костей холод возвращал меня к жизни. Я слышал рев ветра, завывание метели где-то в горных ущельях, чувствовал холодные

снежинки на моем лице, пробивающиеся через края неплотно прикрывавшей меня кошмы, и снова терял сознание.

Отряд перешел Алтайский хребет и был интернирован на китайской территории. Наша эпопея была закончена и вместе с нею закачивался и "черный" для русских белых в Монголии 1921-й год.

***

Не помню когда, где-то в Монголии, я слышал древнее монгольское сказание об Улясутайском князе Бельтис Ване.

Свирепый, неукротимый воин, много пролил он человеческой крови прежде, чем нашел смерть в горах Улясутая.

Здесь он и его сподвижники были похоронены под огромными могильными камнями, их трупы были зарыты глубоко в землю, с заклятиями против того, чтобы духи умерших не вырвались на волю, неся смерть и разрушение.

Сам Хутухта предсказал тогда, что пока человеческая кровь не прольется над могилами, заклятие сохранит свою чудесную силу.

Протекли столетия... Монголы помнили предсказание "святого" Хутухты и даже не приближались к страшным могилам, но пришли русские солдаты, они не верили в предсказание Хутухты, не чтити его заклятия и совершили убийства около могил, обагрили их человеческой кровью.

И древняя легенда воплотилась, стала кровавой жизненной сказкой. Кровожадный дух Бельтис Ван вырвался на свободу и прнесся через всю Монголию, от вечно-белых вершин русского Алтая до равнин Маньчжурии, от гор Забайкалья до безводных пустынь Джунгарии.

КОНЕЦ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

КОПИЯ.

**Приказ
русским отрядам на территории советской Сибири.**

Мая 21 дня 1921 года.

№ 15.

г.Урга

Я - Начальник Азиатской Конной дивизии, Генерал-Лейтенант, Барон Унгерн, - сообщаю к сведению всех русских отрядов, готовых к борьбе с красными в России, следующее:

§ 1. Россия создавалась постепенно, из малых отдельных частей, спаянных единством веры, племенным родством, а впоследствии особенностью государственных начал. Пока не коснулись России в ней по ее составу и характеру неприменимые принципы революционной культуры, Россия оставалась могущественной, крепко сплоченной Империей.

Революционная буря с Запада глубоко расшатала государственный механизм, оторвав интеллигенцию от общего русла народной мысли и надежд. Народ, руководимый интеллигенцией как общественно-политической, так и либерально-бюрократической, сохраняя в недрах своей души преданность Вере, Царю и Отечеству, начал сбиваться с прямого пути, указанного всем складом души и жизни народной, теряя прежнее, давнее величие и мощь страны, устоять, перебрасываясь от бунта с царями-самозванцами к анархической революции и потерял самого себя. Революционная мысль, льстя самолюбию народному, не научила народ созиданию и самостоятельности, но приучила его к вымогательству, разгильдяйству и грабежу. 1905 год, а затем 1916—17 годы дали отвратительный, преступный урожай революционного посева — Россия быстро распалась. Потребовалось для разрушения многовековой работы только 3 месяца революционной свободы. Попытки задержать разрушительные инстинкты худшей части народа оказались запоздавшими. Пришли большевики, носители идеи уничтожения самобытных культур народных, и дело разрушения было доведено до конца. Россию надо строить заново, по частям. Но в народе мы видим разочарование, недоверие к людям. Ему нужны имена, имена всем известные, дорогие и чтимые. Такое имя лишь одно — законный хозяин Земли Русской **ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, видевший шатанье народное и словами своего **ВЫСОЧАЙШЕГО** Манифеста мудро воздержавшийся от осуществления своих державных прав до времени опамятования и выздоровления народа русского.**

§ 2. Силами моей дивизии совместно с монгольскими войсками свергнута в Монголии незаконная власть китайских революционеров-большевиков, уничтожены их вооруженные силы, оказана посильная помощь объединению Монголии и восстановлена власть ее законного державного главы, Богдо-Хана. Монголия по завершении указанных операций явилась естественным исходным пунктом для начавшегося

выступления против Красной армии в советской Сибири. Русские отряды находятся во всех городах, курэ и шаби вдоль монгольско-русской границы. И, таким образом, наступление будет происходить по широкому фронту (см. п. 4 прик.).

§ 3. В начале июня в Уссурийском крае выступает атаман Семенов, при поддержке японских войск или без этой поддержки.

§ 4. Я подчиняюсь атаману Семенову.

§ 5. Сомнений нет в успехе, т. к. он основан на строго продуманном и широком политическом плане. По праву, переданному мне как военачальнику, непокладавшему оружия в борьбе с красными и ведущему ее на широком фронте, ПРИКАЗЫВАЮ начальникам отрядов, сформированных в Сибири для борьбы с Советом Народных Комиссаров:

1. Начальникам малых отрядов, существующих отдельно и готовящихся к борьбе, подчиняться одному командующему сектором, который и объединяет действия отдельных отрядов. Неподчинение повлечет за собой суровую кару.

Примечание. Отряды численностью до 150 человек, не считая нестроевых и семьи, при приближении на 40 верст к другим отрядам должны объединиться в своих действиях под общей командой единоличного начальника; отряды численностью 150—300 чел. — в 100-верстном радиусе; отряды численностью в 300—500 чел. — в 200-верстном радиусе. Отрядам, не оставившим борьбы с красными и имеющим старую организацию, руководствоваться своими распорядителями.

2. Установить связь между боевыми единицами и действовать по общему плану, сообразуясь с временем и направлением начавшегося наступления (см. п. 4 приказа).

3. При встрече действующих отрядов численностью более 1000 чел. с отрядами одинаковой или большей численности, действующими против общего врага, подчинение переходит к начальнику, который вел непрерывную борьбу с советскими комиссарами на территории России, причем не считается с чином, возрастом и образованием. Примечание. Пункту 3-му настоящего приказа подчиняются и командующие секторами.

4. Выступление против красных в Сибири начать по следующим направлениям: а) Западное — ст. Маньчжурия; б) на Монденском направлении, вдоль Яблонового хребта; в) вдоль реки Селенги; г) на Иркутск; д) вниз по р. Енисею из Урянхайского края; е) вниз по р.

Иртышу. Конечными пунктами операции являются большие города, расположенные на магистрали Сибирской ж. д. Командующим отдельными секторами сообразаться с этими направлениями и руководствоваться: в Иркутском направлении директивами полк. Казагранди, в Урянхайском — атамана Енис. Каз. войска Казанцева, в Иртышском — есаула Кайгородова.

5. Командующие секторами назначают срок для общего выступления всех Отрядов под своим руководством. Пока, за дальностью расстояния, я лишен возможности карать, а потому на ответственность командующих секторами и командиров отрядов возлагается прекращение всяких трений и разногласий в отрядах (Рыба с головы тухнет). Помнить, что поколения будут благословлять или проклинать их имена.

6. Заявить бойцам, что позорно и безумно воевать лишь за освобождение своих собственных станиц, сел и деревень, не заботясь об освобождении больших районов и областей. Считать такое поведение сохранением преступного нейтралитета перед Родиной, что является государственной изменой. Такое преступление карать по всей строгости законов военного времени.

7. Подчиняться беспрекословно дисциплине, без которой все, как и раньше, развалится.

8. При мобилизации бойцов пользоваться их боевой работой, по возможности, не далее 300 верст от места их постоянного жительства. После пополнения отрядов нужным по количеству имеющегося вооружения кадром новых бойцов, прежних, происходящих из освобожденных от красных местностей, отпускать по домам.

9. Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями. Все имущество их конфисковать.

10. Суд над виновными м. б. или дисциплинарный, или в виде применения разнородных степеней смертной казни. В борьбе с преступными разрушителями и осквернителями России помнить, что по мере совершенного упадка нравов в России и полного душевного и телесного разврата нельзя руководствоваться старой оценкой. Мера наказания может быть лишь одна — смертная казнь разных степеней. Старые основы правосудия изменились. Нет «правды и милости». Теперь должны существовать «правда и безжалостная суровость». Зло, пришедшее на землю, чтобы уничтожить Божественное начало в душе человеческой, должно быть вырвано с корнем. Ярости народной против руководителей, преданных слуг красных учений, не ставить преград. Помнить, что перед народом стал вопрос «быть или не быть». Единоличным начальникам, карающим преступников, помнить об

искоренении зла до конца и навсегда и о том, что справедливость - в неуклонности суда.

11. На должности гражданского управления в освобожденных от красных местностях назначать лиц лишь по их значению и влиянию в данной местности и по их действительной пригодности для несения службы этого рода, не давая преимущества военным, не считаясь при назначении с бедственным состоянием и прежним служебным положением просителя.

12. За назначение несоответствующих и неспособных лиц ответственным является начальник, сделавший назначение.

13. Привлекать на свою сторону красные отряды, особенно из разряда мобилизованных, и рабочие батальоны.

14. Не рассчитывать на наших союзников-иностранцев, переносящих подобную же революционную борьбу, ни на кого бы то ни было. Помнить, что война питается войной и что плох военачальник, пытающийся купить оружие и снаряжение тогда, когда перед ним находится вооруженный противник, могущий снабдить боевыми средствами.

15. Продовольствие и др. снабжение конфисковать у тех жителей, у которых оно не было взято красными. У бежавших жителей брать продовольствие по мере надобности. Если поселок, занятый белыми, дает добровольцев и мобилизованных бойцов, он обязан дать своим людям продовольствие и другое (кроме боевого) снаряжение на 3 месяца, что и поступает в интендантскую часть отряда безвозвратно.

16. В случае переполнения отряда людьми, не имеющими вооружения, отправлять их на полевые работы непременно домой, в освобожденные области.

17. За отрядом не возить ни жен, ни семей, распределяя их на полное прокормление освобожденных от красных селений, не делая различий по чинам и сословиям и не оставляя при семьях денщика.

18. Мне известно позорное стремление многих офицеров и солдат устраиваться при штабах на нестроевые должности, а также в тыловые войсковые части. Против этого необходимы самые неуклонные меры пресечения. В штабы и на нестроевые должности назначать, по возможности, лиц, действительно неспособных к бою, каковым носить, в отличие от строевых офицеров и солдат, поперечные погоны. Организуемые по мере надобности тыловые войсковые части, необходимые для военных операций, должны существовать, но не следует переполнять их излишними чинами. Желательнее всего замещать должности в тыловых частях бежавшими от большевиков и пострадавшими от них поляками, иностранцами и инородцами, с их

согласия. Местные жители отнюдь не должны назначаться на указанные должности.

Примечание. Строевыми считать только тех, кто непосредственно участвует в боях. Чины тыловых войсковых частей (интендантство, комендантская ч., саперная, служба связи, штабы и т. п.), хотя и имеющие вооружение, не считаются строевыми. В интендантство избегать назначать военных; по возможности назначать имеющих многолетний опыт доверенных фирм, а также бежавших купцов, лично ведших свои дела и показавших на опыте свой талант.

19. В случае необходимости отступления стягиваться в указанных выше направлениях военных операций (п. 4 приказа), в сторону ближайшего сектора, прикрывая собою его фланг.

Народами завладел Социализм, лживо проповедывающий мир, злейший и вечный враг мира на земле, т. к. смысл социализма — борьба.

Нужен мир — высший дар Неба. Ждет от нас подвига в борьбе за мир и Тот, о Ком говорит Св. Пророк Даниил (гл. XI), предсказавший жестокое время гибели носителей разврата и нечестия и пришествие дней мира: «И восстанет в то время Михаил, Князь Великий, стоящий за сынов народа Твоего, и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени, но спасутся в это время из народа Твоего все, которые найдены будут записанными в книге. Многие очистятся, убелятся и переплавлены будут в искушении, нечестивые же будут поступать нечестиво, и не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют. Со времени прекращения ежедневной жертвы и поставления мерзости запустения пройдет 1290 дней. Блажен, кто ожидает и достигнет 1330 дней».

Твердо уповая на помощь Божию, отдаю настоящий приказ и призываю вас, офицеры и солдаты, к стойкости и подвигу. Подлинный подписал: Начальник Азиатской Конной Дивизии. Генерал-Лейтенант Унгерн.

С подлинным верно: Начальник Осведомительного Отдела Сводно-Русско-Инородческого Партизанского Отряда Войск Горно-Алтайской области, поручик Носков.

Примечание автора.

Кто я в прошлом? Рыцарь индустрии, жрец ли богини Мельпомены, потомок Марса или Аполлона – все равно, но в настоящем я больной, слепой человек, потерявший зрение, если не во имя каких-либо общественных идеалов, то, во всяком случае, защищая женщин и детей от нападения диких орд. Ранее я был кипуч и деятелен; мне всегда удавалось все, и, став неожиданно слепым, я не пал духом, я не потерялся. Прежде всего, я не только верю, но и твердо убежден, что буду вновь зрячим. Моя медицинская концепция не лишена здравого смысла и логической последовательности, и основана на точном детальном изучении человеческого организма и моей болезни в целом, и нервной системы в частности. Путем особой исключительной наблюдательности в течение нескольких лет мои знания в этой области стали такими, что я смело берусь утверждать, что стою на пороге практического разрешения великих проблем: что любая слепота излечима, и что юность можно вернуть старику. Взгляните на фотографии пациентов профессора Сергея Воронова до омоложения и после, и на мою, помещенную в сей книге – до применения способа лечения, согласно моей теории обратного поворота жизненного колеса человека от старости к юности, и на меня о натюрель, и вы наглядно увидите и убедитесь, что я достиг несравненно больших результатов, чем наш известный кудесник профессор Воронов. Для полного торжества моих идей необходимо еще полтора – два года благоприятных жизненных условий и тогда никто не будет сомневаться в правильности того, что я говорю сейчас: я буду зрячим.

Медленными, но верными шагами я шел к победе. Сущность моего способа лечения сводится к восстановлению разрушенной, атрофированной клетки путем разумного использования сил природы. Следуя этим путем, я довел состояние своих внутренних органов до абсолютного здоровья. Оздоровление идет от центра к периферии и в настоящий момент происходит перерождение рогового слоя кожи, по окончании которого я и буду зрячим. Но здесь-то и начинается трагедия моей души. Я не имею в настоящий момент тех благоприятных жизненных условий, которые необходимы мне для медленного движения из царства могильной тьмы к жизненному свету. Я не могу поставить крест на своих идеях и отказаться от возможности снова быть зрячим. Отказ от всего этого равносителен уходу в четвертое измерение. Я должен вернуться к активной жизни, я должен рассеять мучительную тьму, которая окутывает меня и тысячи несчастных людей, которые, как и я сейчас, бродят во мраке ночи. Я должен иметь средства, я должен торопиться, и вот, с этой целью, я подошел к настоящему изданию. Я хочу, чтобы человек, взявший в руки мою книгу, прочтя эти строки, подошел ко мне, как к больному

человеку. Я хочу, чтобы каждый человек подумал, что не только на поле чести теряют зрение, но и в обыкновенной мирной обстановке его величество случай может свалиться на его голову и отнять тот величайший дар неба, какой он имеет в настоящий момент. Я не стремлюсь убеждать людей в том, в чем сам не сомневаюсь, но хочу, чтобы они сами прониклись сознанием самого величайшего блага видеть торжество моих идей в завершении. Я думаю, что тот доллар, который я хочу за свою книгу, не выведет никого из бюджета, а мне даст возможность придти к желанной победе. Я хочу, чтобы каждый проникся сознанием и подумал о том, что если здесь, на далекой чужбине, зачастую зрячие, здоровые люди гнутся под давлением жестокой действительности и с трудом отстаивают свое право на жизнь, то как трудно и тяжело отстоять это право слепому человеку. Я жду, что читатель не будет меня строго судить за мою книгу и посоветует своим друзьям приобрести ее, помня, кому и на какое дело он дает свой доллар.

**27 мая 1929 года.
г. Харбин.**

К.Носков.